

УДК 94(476.6):355(09)

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ И ПОСТОЙНАЯ ПОВИННОСТЬ В БЕЛАРУСИ (СЕРЕДИНА 1850-х – СЕРЕДИНА 1870-х гг.)

А. Б. АРЛУКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Раскрывается природа одного из феноменов эпохи александровских реформ – военного постоя, который в масштабах Российской империи оказался наиболее распространен именно в Беларуси, но до настоящего времени не становился предметом исследования в отечественной историографии. Как свидетельствуют источники, выявленные в архивах и книгохранилищах Беларуси, России, Литвы, военный постоя в силу особого геостратегического положения белорусских губерний в середине 1850-х – середине 1870-х гг. являлся неотъемлемым атрибутом повседневной жизни сотен тысяч местных жителей. В исследовании дана оценка масштабам вовлеченности населения белорусских губерний в обеспечение войск Российской империи квартирным довольствием, установлены принципы и формы использования армией гражданской инфраструктуры и продовольствия в рамках постоянной повинности, раскрыта роль органов местного гражданского управления и самоуправления в расквартировании войск на местах. Большинство указанных в работе фактов вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: военный постоя; постоянная повинность; Беларусь в составе Российской империи; российские войска; Виленский военный округ.

ВАЕННЫ ПАСТОЙ І ПАСТОЙНАЯ ПАВІННАСЦЬ У БЕЛАРУСІ (СЯРЭДЗІНА 1850-х – СЯРЭДЗІНА 1870-х гг.)

А. Б. АРЛУКЕВИЧ^{1*}

^{1*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Раскрываецца сутнасць аднаго з феноменаў эпохі аляксандраўскіх рэформ – ваеннага пастою, які ў маштабах Расійскай імперыі атрымаў найбольшае распаўсюджанне менавіта ў Беларусі, але да апошняга часу не становіўся прадметам даследавання ў айчынай гістарыяграфіі. Як сведчаць крыніцы, выяўленыя ў архівах і кнігасховішчах Беларусі, Расіі, Літвы, ваенны пастой па прычыне асаблівага геастратэгічнага становішча беларускіх губерняў у сярэдзіне 1850-х – сярэдзіне 1870-х гг. з'яўляўся неад'емным атрыбутом паўсядзённага жыцця сотняў тысяч мясцовых жыхароў. У даследаванні дадзена ацэнка маштабам удзелу насельніцтва беларускіх губерняў у забеспячэнні войск Расійскай імперыі зімовымі кватэрамі, вызначаны прынцыпы і формы выкарыстання ваеннаслужачымі грамадзянскай інфраструктуры і харчавання ў межах пастойнай павіннасці, раскрыта роля ўстаноў мясцовага грамадзянскага кіравання і самакіравання ў раскватараванні войск на месцах. Большасць названых у артыкуле фактаў уводзяцца ў навуковы зварот упершыню.

Ключавыя словы: ваенны пастой; пастойная павіннасць; Беларусь у складзе Расійскай імперыі; расійскія войскі; Віленская ваенная акруга.

Образец цитирования:

Арлукевич АБ. Военный постоя и постоянная повинность в Беларуси (середина 1850-х – середина 1870-х гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2021;1:36–58.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-36-58>

For citation:

Arlukevich AB. Cantonment of troops and housing service in Belarus (mid 1850s – mid 1870s). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;1:36–58. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-1-36-58>

Автор:

Александр Брониславович Арлукевич – преподаватель кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Aliaksandr B. Arlukevich, lecturer at the department of political science, faculty of law.
vaftrudnirgorohov@yandex.by

CANTONMENT OF TROOPS AND HOUSING SERVICE IN BELARUS (MID 1850s – MID 1870s)

A. B. ARLUKEVICH^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article reveals the essence of one of the phenomena of the era of Alexander's reforms which on the scale of the Russian Empire was most common in Belarus but until now has not become the subject of research by Belarusian historians. According to the sources identified in the archives and book repositories of Belarus, Russia, Lithuania the military post due to the special geostrategic position of the Belarusian provinces in the mid 1850s – mid 1870s was an integral attribute of the daily life of hundreds of thousands of their inhabitants. In the present study is the first to assess the extent of involvement of the population in Belarusian provinces in support of troops of the Russian Empire housing allowance, sets out the principles and forms of army civilian infrastructure and food within the housing service, the role of local civil administration and self-government in the cantonment of the troops on the ground. For the first time most of the used ones are mentioned.

Keywords: quartering of troops; housing service; Belarus as part of the Russian Empire; Russian troops; Vilna Military District.

Введение

К середине XIX в. белорусские губернии оставались одним из ключевых центров постоянного сосредоточения вооруженных сил Российской империи. Повышенная концентрация войск в Беларуси была обусловлена как геостратегическими факторами в рамках военно-политического противостояния России с центральноевропейскими государствами, так и борьбой с восстанием 1863–1864 гг. [1; 2]. Белорусские земли, расположенные у западных границ империи, служили плацдармом для развертывания российской армии в случае начала войны на европейском театре, что в силу обширности территории государства требовало постоянного присутствия здесь оперативной группировки войск [3].

Помимо этого, прямым следствием сосредоточения крупнейшего воинского контингента в Беларуси являлось более интенсивное, нежели в других районах империи, использование материальных ресурсов и финансовых средств населения в интересах армии. В частности, основным источником квартирного довольствия военнослужащих должен был стать отвод гражданских жилищ по постоянной повинности, а также аренда необходимых войскам помещений за счет средств от специальных сборов в местах дислокации армейских подразделений. Учитывая данные обстоятельства, войска на бытовом уровне должны были активно взаимодействовать с гражданским окружением, оказывая весомое воздействие на повседневную его жизнь и уровень экономического благосостояния.

Высокая концентрация вооруженных сил при слабом развитии дорожной коммуникации и товарообмена между отдельными областями империи должна была превратить местные крестьянские и помещичьи хозяйства в основной источник продовольственного обеспечения воинских частей и подразделений. В данном контексте детальное изучение механизмов квартирного довольствия и продовольственного обеспечения имеет принципиальное значение для системного анализа проводимой российским правительством податной политики в Беларуси, оценки ее влияния на повседневность и благосостояние общества.

Богатый опыт исследования механизмов тылового обеспечения войск, накопленный экспертами российского Генерального штаба¹ в период подготовки и проведения реформ 1860–70-х гг., с учетом более высокой концентрации вооруженных сил в Беларуси, региональных особенностей развития экономики и специализации хозяйства, может быть использован в белорусском контексте лишь при условии привлечения дополнительных данных из источников местного происхождения. В советской историографии механизмы квартирного довольствия и продовольственного обеспечения дореволюционной армии рассматривались лишь в качестве второстепенных элементов комплексных исследований по военной истории², хотя их генезис и развитие были раскрыты Е. В. Анисимовым в качестве одной из составляющих податной

¹Воинская постоянная повинность в главных государствах Европы : в 3 т. Т. 1. СПб. : Тип. Д. Кесневилы, 1858. 68 с. ; *Аничков В. М.* Военное хозяйство: сравнительное исследование положения законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб. : Тип. Н. Деноткина, 1862. 613 с. ; *Брант П.* Казарменное расположение войск и влияние его на здоровье нижних чинов // *Воен. сб.* 1863. № 3. С. 77–101 ; *Серебренецкий А.* Постой войск в селениях // *Инж. журн.* 1864. № 4. С. 305–345.

²*Федоров А. В.* Русская армия в 50–70-х годах XIX века. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 291 с. ; *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М. : Мысль, 1973. 349 с. ; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М. : Наука, 1973. 616 с.

реформы Петра I³. Современные российские историки изучают проблемы военного постоя и постоянной повинности главным образом на основе общих правительственных регламентов и уставов, в которых не нашли четкого отображения явления, получившие, как свидетельствуют источники, широкое распространение в исторической действительности. Под военным постоем современные исследователи понимают квартирное довольствие в широком смысле, в том числе размещение солдат в казармах, построенных за счет средств государственного казначейства. Между тем очевидно, что военный постоя является лишь одной из форм квартирного довольствия, а не сводится к нему и в равной степени включает в себя аспекты как собственно квартирного довольствия, так и продовольственного обеспечения военнослужащих⁴.

В белорусской историографии до настоящего времени присутствие войск Российской империи на территории белорусских губерний рассматривалось преимущественно как факт, сопутствующий военным конфликтам – восстанию 1863–1864 гг., Первой мировой войне. При изучении принципов тылового обеспечения российской армии во второй половине XIX в. нередко в рамках научных дискуссий приходится сталкиваться со стереотипами, выделенными из контекста войн второй половины XVII – XVIII в., в условиях которых военный постоя был неразрывно связан с насильственными поборами и реквизициями продуктов питания, фуража, тягловой силы. Устойчивость подобных представлений в значительной степени объясняется отсутствием специальных исследований, посвященных концентрации и тыловому обеспечению войск Российской империи в Беларуси.

В свою очередь, процессы участия гражданского населения в квартирном довольствии и продовольственном обеспечении российской армии на белорусских землях отразились в обширной источниковой базе, в которую среди прочего вошли материалы делопроизводства 2-го отделения Главного штаба и окружного генерал-квартирмейстера Виленского военного округа⁵ (далее – ВлВО), Главного интендантского управления, военно-окружного совета и интендантского управления ВлВО. В работе

также использованы материалы делопроизводства канцелярий гродненского, минского, витебского губернаторов и соответствующих губернских правлений, губернских распорядительных комитетов, о земских повинностях присутствий, данные из фондов Минской, Суражской и Виленской квартирных комиссий, городских дум и управ (к ним перешли компетенции квартирных комиссий, упраздненных с введением в силу Положения о преобразовании воинской квартирной повинности), нормативно-правовые акты, регулировавшие процессы квартирного довольствия и продовольственного обеспечения войск в Российской империи, воспоминания военного министра Д. А. Милютина и офицеров, проходивших службу на белорусских землях.

Нижняя хронологическая граница исследования совпадает с началом экспедиции войск императорской гвардии в район белорусских губерний в разгар Крымской войны, неудачи в которой стали катализатором процессов модернизации в Российской империи (в том числе на белорусских землях). Со вступлением в 1855 г. на престол Александра II изменились положение Беларуси как объекта военной политики, состав и организационная структура воинского контингента, сосредоточенного на территории белорусских губерний. В это же время правительство начало поиск возможных альтернатив традиционным петровским принципам квартирного довольствия и продовольственного обеспечения российской армии, опиравшейся в местах дислокации на ресурсы гражданского населения. Подготовка реформы так называемой квартирной повинности, затянувшись на долгие 20 лет, завершилась 1 января 1875 г. со вступлением в силу нового положения, которое на фоне общей трансформации экономического уклада открывало перспективу рыночным механизмам вовлечения гражданского населения в систему довольствия армии.

Цель данного исследования – раскрыть значение и определить удельный вес гражданской инфраструктуры и ресурсов местного населения в квартирном довольствии и продовольственном обеспечении войск Российской империи на территории белорусских губерний.

Методы исследования

Работа опирается на основополагающие в исторической науке принципы объективности, историзма, системности, ценностного и герменевтического подходов. В основу исследования легли общенауч-

ные (индукция, дедукция, анализ, синтез) и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-статистический) методы. В частности, использование историко-ге-

³Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. 296 с.

⁴Лапин В. В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Вып. 2 / под ред. Е. Л. Шепелева. СПб., 2000. С. 135–164; Аранович А. В. Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006. 482 с.; Яковлева Л. Е. Развитие постоянной повинности в России в XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2008. 223 с.

⁵В состав округа входили Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилёвская губернии.

нетического метода позволило установить связь регулировавших постоянную повинность нормативно-правовых документов с основополагающими принципами петровского военного законодательства и таким образом выявить исторические предпосылки вовлечения гражданского населения в систему тылового обеспечения российской армии. С помощью историко-сравнительного метода была прослежена динамика соотношения различных способов квартирного довольствия войск в Беларуси на отдельных хронологических отрезках исследуемого периода. В работе также широко применялся историко-статистический метод при вычислении процентного соотношения используемых

способов квартирного довольствия войск и общей численности занятых под военный постой хозяйств и населенных пунктов. Герменевтический подход позволил раскрыть смысл и содержание таких устойчивых для исследуемого периода концептов, как земство (земля), город, городские и сельские общества, представлявшие собой особую форму коллективных субъектов административно-правовых отношений. Понимание данных феноменов важно для описания механизмов вовлечения гражданского населения в систему квартирного довольствия и продовольственного обеспечения войск через органы территориального представительства и на основе принципов корпоративной ответственности.

Результаты и их обсуждение

К середине XIX в. квартирное довольствие войск в Российской империи опиралось на принципы, сформированные в период петровских военной и податной реформ первой четверти XVIII в., в соответствии с которыми обеспечение военнослужащих жилыми помещениями в местах дислокации производилось путем их подселения в жилища гражданского населения без какой-либо компенсации для последнего. Данная мера избавляла государство от поиска средств для строительства казарм, но в то же время препятствовала эффективной подготовке и поддержанию воинской дисциплины в рассредоточенных армейских подразделениях, вызывала негативную реакцию со стороны населения. На протяжении XVIII–XIX вв. правительством неоднократно предпринимались попытки обеспечить войска казармами, однако из-за дефицита военного бюджета кардинально изменить ситуацию не удавалось до последней четверти XIX в.

Монастырские казармы. К середине 1850-х гг. казарменные помещения, занимаемые войсками на территории белорусских губерний, были представлены главным образом конфискованными после восстания 1830–1831 гг. (а затем и после восстания 1863–1864 гг.) зданиями католических монастырей и другими не приспособленными для этих целей гражданскими сооружениями.

Братья наиболее активно проявивших себя в ходе восстаний монашеских общин переводились в другие монастыри, отдельным монахам было разрешено продолжить служение до естественной смерти последнего из них, но запрещено принимать неофитов. Большинство из освобождавшихся таким образом монастырских строений передавались в распоряжение органов местного самоуправления

(т. е. в муниципальную собственность), которые, в свою очередь, использовали их для расквартирования войск в рамках исполнения возложенной на них постоянной повинности [4, с. 27].

По данным штаба ВлВО, на территории округа к 1862 г. для расквартирования различных воинских подразделений использовались здания доминиканского и францисканского монастырей в Ошмянах, где размещались нижние чины местной инвалидной команды, здание бенедиктинского монастыря в Слониме, также занятого инвалидной командой, кармелитский монастырь в Лиде, где находился лазарет Эстляндского пехотного полка. Кроме того, отдельные воинские команды и подразделения размещались во францисканском монастыре в Свислочи, картезианском монастыре в Березе и бернардинском монастыре в Слуцке⁶. Для расположения военного госпиталя в Могилёве (первоначально его планировалось разместить в местном бернардинском монастыре) использовались здания резиденции католического архиепископа в Печерске⁷.

В 1866 г. военный инженер ВлВО Линье признал пригодными для расквартирования войск здания доминиканского монастыря в Новогрудке, францисканского и Мариинского монастырей в Пинске, мужского и женского цистерцианских монастырей в Мозыре, монастыря Святого Винсента в Смилевичах, бенедиктинского, бернардинского и Свято-Михайловского монастырей в Несвиже⁸.

По воспоминаниям известного военного правозащитника и общественного деятеля А. В. Жиркевича (судьба которого с детских лет была тесно связана с Лидчиной, а в зрелом возрасте – с виленским штабом ВлВО, где он работал), в здании фран-

⁶Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 1956. Оп. 2. Д. 1209. Л. 9 об.

⁷Плоткин Л. История Могилёва: Могилёвский военный госпиталь [Электронный ресурс] // MASHEKA. Информационный портал Могилёва. URL: https://masheka.by/history_mogilev/2290-istorija-mogileva-mogilevskij-voennyj-gospital.html (дата обращения: 07.04.2019).

⁸Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 299. Оп. 5. Д. 299. Л. 3.

цисканского монастыря в Гольшанах к середине 1860-х гг. квартировала 2-я рота Шуйского пехотного полка: «...скоро 2-ю роту, в которую меня перевели, отделили от батальона в местечко Гольшаны.

И я со штабс-капитаном Длуским и нижними чинами роты очутился в глуши, далеко от начальства, в старинном здании упраздненного римско-католического монастыря» [5, с. 120].

Францисканский комплекс в Гольшанах. Современный вид.
Источник: <https://planetabelarus.by>
Franciscan monastery in Hałšany. Modern view.
Source: <https://planetabelarus.by>

В здании Мариинского монастыря в Пинске к середине 1860-х гг. была расквартирована местная конвойная команда⁹. В Вильно для расквартирования войск использовались здания кармелитского, доминиканского и миссионерского монастырей, «преданные по высочайшему повелению в поль-

зу города Вильно для облегчения квартирной повинности»¹⁰. Для постройки армейских казарм в Березе во второй половине XIX в. были разобраны части одного из некогда крупнейших и богатейших монастырей Великого княжества Литовского – монастыря картезианцев¹¹.

Руины комплекса картезианцев в Березе. Современный вид.
Источник: <https://commons.m.wikimedia.org>
Ruins of the Carthusian monastery in Biaroza. Modern view.
Source: <https://commons.m.wikimedia.org>

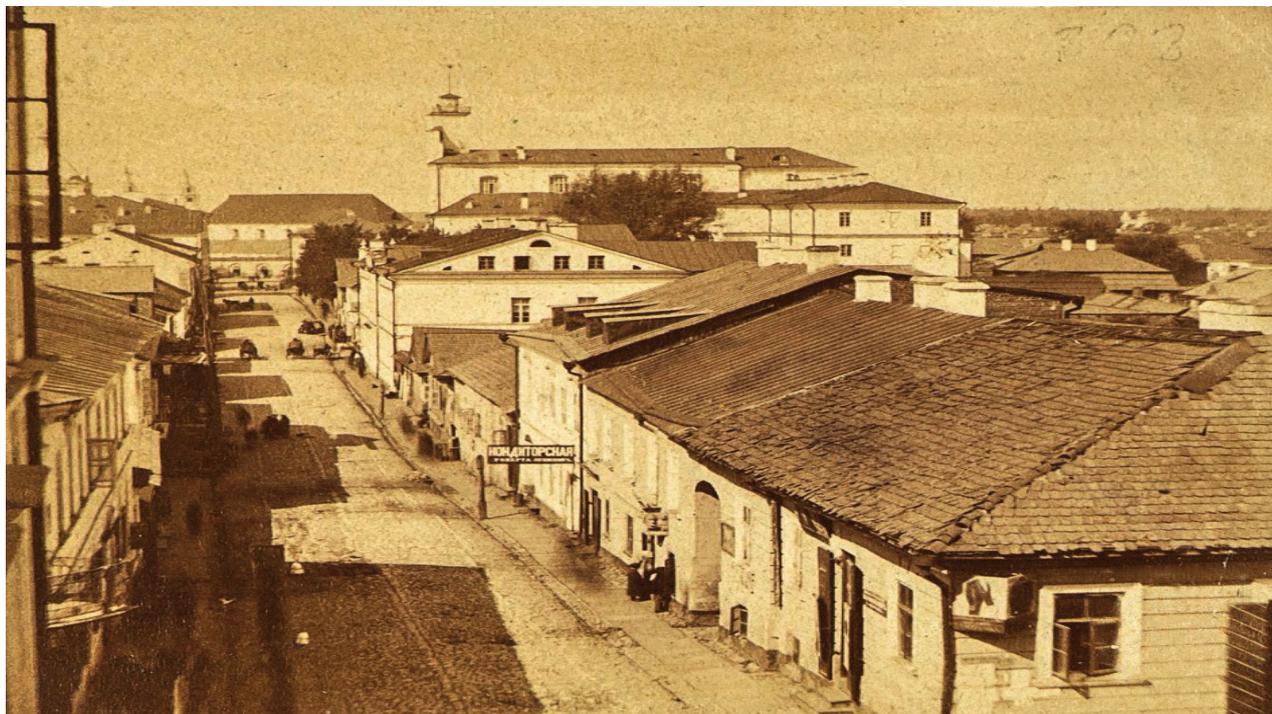
⁹НИАБ. Ф. 314. Оп. 1. Д. 696. Л. 11.

¹⁰Lietuvos vasybes istorijos archyvas (LVIA). F. 389. Ap. 1. V. 873. L. 32.

¹¹Исчезающее наследие Беларуси: монастырь картезианцев в Березе [Электронный ресурс] // TUT.by. URL: <https://news.tut.by/society/217706.html> (дата обращения: 07.04.2019).

Артиллерийская казарма в Минске (трехэтажное здание на углу улиц Петропавловской и Крещенской, построенная в 1765–1770 гг.), была не чем иным, как упраздненной римско-католической семинарией на базе доминиканского монастыря, по предписанию М. Н. Муравьева перестроенной

в каланчу. В 1869 г. пожарная команда переехала, а здание было передано муниципалитету, который приспособил ее под казарму. В комплексе, помимо казарменных помещений, к началу 1880-х гг. размещались солдатская столовая, пекарня, швальня, чайная, шорня, карцеры.

Доминиканский комплекс в Минске
(выступает в верхней части справа). Фото 1880-х гг.
Источник: <https://minsk-old-new.com>

Dominican monastery (it appears in the upper part on the right).
Photo from the 1880s.

Source: <https://minsk-old-new.com>

К середине 1860-х гг. войсками использовалось большинство зданий гродненских католических монастырей. В частности, после того как в начале 1860-х гг. строения упраздненного кармелитского монастыря были переданы городу, магистрат разместил в здании монастыря части местного гарнизонного батальона, а в аварийном помещении костела – команду Староингерманландского полка. К февралю 1866 г. был разработан проект реконструкции монастырского комплекса кармелитов, в соответствии с которым планировалось превратить его в казарму, способную принять до трех рот пехоты¹².

В мае 1868 г. командующий ВлВО А. Л. Потапов потребовал от архидиакона А. К. Гинтовта освободить помещения гродненского бернардинского монастыря, арендуемые к тому времени частными лицами. К 1868 г. здания монастырского комплекса были освобождены от постояльцев и переданы в ве-

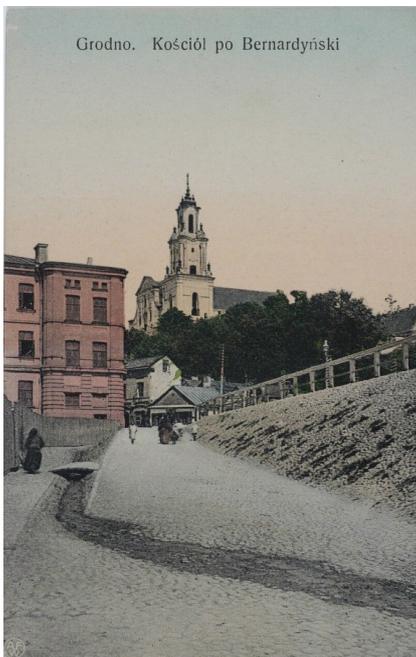
дение магистрата, которому губернатор предписал «следить за сохранением их в целости впредь до дальнейшего распоряжения о приспособлении под постоянное казарменное для войск помещение»¹³. К середине 1860-х гг. войсками в Гродно были заняты также иезуитский и Бригитский монастыри¹⁴.

Помимо упраздненных католических монастырей, для казарменного размещения войск к 1860-м гг. муниципалитетами в рамках несения постоянной повинности использовались и другие гражданские здания, многие из которых, как и монастырские комплексы, впоследствии были признаны памятниками истории и культуры. В частности, здание первой в истории Беларуси ланкастерской школы, построенное Н. П. Румянцевым в 1818 г. в Гомеле, после его смерти было занято войсками и вошло в историю города под названием «Белые казармы» [6, с. 117].

¹²Нац. ист. арх. Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 54.

¹³РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 736.

¹⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 41–44 ; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 715. Л. 24–41 об.

Часть Кармелитского комплекса в Гродно после реконструкции (слева).
Фото начала XX в.

Источник: <https://humus.livejournal.com>

Part of the Carmelite monastery in Hrodna after reconstruction
(on the left). Photo from the beginning of the 20th century.
Source: <https://commons.m.wikimedia.org>

Гродненский Бригитский монастырь.
Фото 1930-х гг.

Источник: <https://humus.livejournal.com>
Hrodna Brigitte Monastery. Photo from 1930s.
Source: <https://humus.livejournal.com>

Здание ланкастерской школы Румянцева в Гомеле.
Облик времен Первой мировой войны.
Источник: <https://snappygoat.com>

The building of the Lancaster school of Romyantsev in Homiel.
The appearance of the First World War.
Source: <https://snappygoat.com>

В Гродно к 1864 г. четыре роты солдат квартировали в Старом замке, а музыканты, горнисты и барабанщики одного из пехотных полков были размещены в принадлежавшем городу доме Муравского¹⁵. К 1866 г. под армейскую казарму в Рогачеве было перестроено здание бывшего дворянского пятиклассного училища¹⁶. Для расположения Суражской уездной инвалидной команды в 1860 г. было предложено за счет средств гражданского населения приобрести здание упраздненной почтовой станции¹⁷. В 1870-х гг. под казармы был перестроен замок Сапегов в Быхове¹⁸.

Природа постоянной повинности. Согласно Уставу о земских повинностях «всем войскам, кои не могли быть размещены в устроенных по городам и селениям казармах или в других никем не занятых казенных или общественных зданиях, отводились квартиры в домах обывателей»¹⁹. По этой причине нормативная база, обеспечивавшая квартирное довольствие войск, оказалась встроенной в систему гражданского законодательства о постоянной повинности, представлявшей собой сложный комплекс обязательств населения по довольствию армии жилыми, штабными и хозяйственными помещениями как в натуральном виде, так и в форме денежных сборов, расходовавшихся на аренду помещений для размещения штабов, лазаретов, цейхгаузов. Правительство, со своей стороны, не включало до середины 1870-х гг. расходы по квартирному довольствию войск в бюджет военного министерства, рассматривая это как одну из обязанностей гражданского населения в местах дислокации армейских подразделений²⁰.

К середине XIX в. в Российской империи не существовало свода единовременно разработанных нормативных актов, который упорядочивал бы организацию квартирного довольствия войск. Нормы, по которым происходило обеспечение армии необходимыми помещениями на территории белорусских губерний, включали в себя комплекс хронологически разрозненных документов из различных источников (императорские указы, решения государственного совета, циркуляры военного министерства, воинский устав 1716 г.), что затрудняло их применение на практике²¹. Учрежденной в 1859 г. правительственной военно-кодификационной ко-

миссии предстояло «отделить “законы” от “постановлений” и частных инструкций» [7, с. 313]. Однако, по свидетельству Д. А. Милютина, «последняя задача представляла большие затруднения, так как ни положительное законодательство того времени, ни наука не давали критерия к точному разграничению между “законом” и “постановлением”» [7, с. 313].

По Уставу о земских повинностях «удовлетворение воинских чинов квартирами составляло общую повинность обывателей, исправляемую порознь по каждому городу или селению в отношении к войскам, пребывавшим в оных»²². Таким образом, постоянную повинность несло гражданское население исключительно в местах непосредственного расположения войск. Население отдельных городов и деревень в отношении постоянной повинности выступало в качестве коллективного субъекта административно-правовых отношений, который в источниках рассматриваемого периода именуется земством, или землей (не путать с выборными органами местного самоуправления). Земство (земля) понималось как население, компактно проживавшее на определенной территории, с присутствующей ему внутренней организацией, коллективно выполнявшее повинности (в частности, постоянную повинность) перед государством. Так, по мнению военного этнографа, составителя Атласа народонаселения Западно-Русского края А. Ф. Риттиха, в качестве подобного субъекта в отношении квартирного довольствия войск выступал город в лице органов местного самоуправления²³.

Постоянной повинности подлежали жилища гражданского населения всех сословий, в том числе дворян и чиновников. Согласно Правилам устройства земских повинностей 1851 г. она «отправлялась во всех губерниях и областях без платы за оную»²⁴. От постоя освобождались помещичьи дома в деревнях, строения, принадлежавшие церквям и монастырям (в том числе католическим), дома священников и церковнослужителей (в том числе католических), дома чиновников городской полиции и аптекарей, здания, принадлежавшие еврейским синагогам и молитвенным школам, дома лиц, участвовавших в сборе средств на строительство армейских казарм²⁵. На основании распоряжения

¹⁵ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 41–44; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 715. Л. 24–41 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 779. Л. 35–36 об.

¹⁷ НИАБ. Ф. 2572. Оп. 1. Д. 279. Л. 37–38 об.

¹⁸ Экскурсия по историческим и туристическим местам Могилёвщины [Электронный ресурс] // Могилёвский государственный университет продовольствия. URL: <http://mgup.by/?q=profkom/ekskursiya-po-istoricheskim-i-turisticheskim-mestam-mogilevshchiny> (дата обращения: 07.04.2019).

¹⁹ Свод законов Российской империи: в 34 т. Т. 4. СПб.: Тип. 2-го отд-ния, 1857. С. 575.

²⁰ Аничков В. М. Военное хозяйство...

²¹ Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 574.

²² Там же. С. 572–575.

²³ Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб.: Тип. Б. и К., 1893. С. 136.

²⁴ Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 581–582.

²⁵ Там же. С. 581–587.

военного министра с 1 сентября 1804 г. освобождено от военного постоя м. Свислочь «по случаю учреждения в нем училищного заведения» – Свислочской гимназии. Бобруйск на основании распоряжения Военного совета также был освобожден от натурального постоя²⁶. По предложению Совета министров в 1837 г. на 8 лет (с 1850 г. этот срок был продлен еще на 20 лет) от постоя были освобождены жители района Новые форштадты в Брест-Литовске. В случае же крайней необходимости за постоя в домах горожан уездное казначейство было обязано заплатить хозяевам до 1100 руб. в год за генеральскую квартиру, 260 руб. – за капитанскую и по 24 руб. в год за квартиру для рядового. Жители брест-литовских форштадтов стали единственными представителями населения белорусских городов, кому до середины 1870-х гг. за военный постоя полагалась денежная компенсация²⁷.

Согласно действовавшим нормам «войска, коим дано было повеление иметь постоя в губернии, размещались в городах и селениях не иначе как по предварительному сношению командиров с губернатором и сообразно с расписанием мест, от него полученным»²⁸. В свою очередь, «изыскание и употребление средств для уравнивания городов и селений в постое поручалось особым о земских повинностях присутствиям»²⁹. Однако на практике, по данным правительственной комиссии для улучшения системы податей, к 1862 г. этот принцип «не мог соблюдаться без особых препятствий, так как ни начальнику губернии, ни особому о земских повинностях присутствию невозможно было составить удовлетворительного расквартирования без участия местных властей. Обыкновенно, во избежание промахов, составление квартирного расписания поручалось уездным властям – квартирным комиссиям либо земской полиции»³⁰.

Таким образом, если решение о сосредоточении войск в той или иной губернии являлось компетенцией Департамента (с 1863 г. – Главного управления) Генштаба, а с 1865 г. – 2-го отделения Главного штаба Российской империи, то составление схемы территориального размещения армейских подразделений в ее границах, а также организация квартирного довольствия последних входили в обязан-

ности местных гражданских органов власти. Эти же принципы были подтверждены в 1864 г. военным министром в послании губернаторам, согласно которому «подробное размещение войск с возможными для них удобствами может быть окончательно установлено только при ближайшем соображении всех местных обстоятельств и при участии в сем деле гражданского начальства»³¹.

Военный постоя в деревне. По Уставу о земских повинностях основная масса войск должна была квартировать за пределами городов, оставляя там только тех солдат и офицеров, которые обеспечивали работу штабных учреждений либо размещались в казармах («В городах преимущественно должны быть помещены одни полковые штабы с унтерштабами и одна или две роты солдат; прочие же роты или эскадроны размещаются по окрестным селениям») ³². Кавалерийские части располагались в городах только «в случае совершенной необходимости, предпочтительно квартируя в пригородных слободах и деревнях у обывателей, кои имели просторные сараи, удобные для размещения лошадей и фуража»³³.

По свидетельству командующего ВлВО генерала П. П. Альбединского, «до 1875 г. большая часть войск с наступлением ранней осени выступала на свои квартиры, отводимые по постоянной повинности, где люди довольствовались приварком от жителей. В видах облегчения населения нижние чины размещались с таким расчетом, чтобы на каждого из них приходилось от 3 до 5 дворов. При таком размещении на роту из 100 человек требовалось от 10 до 20 деревень. Случалось, что на роту приходилось более 30 жилых мест, из которых наиболее населенные не превышали 20 дворов, а наименьшие были иногда и в 2 двора»³⁴. По данным 2-го отделения Главного штаба, к 1868 г. 56 из 60 рот 30-й пехотной дивизии в Минской губернии квартировали в гражданских жилищах, отводимых по постоянной повинности, 23 из 24 эскадронов 7-й кавалерийской дивизии разместились в гражданских жилищах Гродненской губернии, 15 из 21 батареи семи артбригад были расквартированы на территории белорусских губерний в домах гражданского населения»³⁵.

²⁶Труды Виленского военного округа по воспитанию и образованию войск за пятилетие. Вильно : Тип. штаба Вил. воен. окр., 1879. С. 172.

²⁷Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. Т. 14. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1840. С. 324 ; Там же. Т. 26. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1852. С. 673.

²⁸Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 573.

²⁹Там же.

³⁰Сведения о существующем порядке и способах отправления натуральных земских повинностей / под ред. Д. П. Гаврилова. СПб. : [б. и.], 1862. С. 12–14.

³¹НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 136. Л. 4.

³²Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 573.

³³Там же.

³⁴Труды Виленского военного округа... С. 1–3.

³⁵РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 94. Л. 26–28.

Расквартирование солдат в деревне.
Картина А. И. Ладюрнера. 1843 г.
Источник: <http://smallbay.ru>
The quartering of soldiers in the village.
The picture by A. I. Ladurner. 1843.
Source: <http://smallbay.ru>

Сведения Главного штаба подтверждает наблюдение капитана Устюжского пехотного полка Поликарпова, согласно которым до середины 1870-х гг. части, дислоцировавшиеся на белорусских землях, «стояли разбросанно по деревням, отдельные роты из 100 человек занимали от 10 до 15 деревень, где на каждого солдата приходилось от 3 до 5 хозяйских домов. Один из них назывался “коренною квартирой” – в ней солдат жил постоянно и хранил свои состоявшие на нем казенные вещи; остальные дворы звались “приписными квартирами” – туда он ходил поочередно обедать и ужинать»³⁶.

В районах дислокации личный состав отдельных подразделений делился на капральства, занимавшие определенное для них число расположенных по соседству деревень: «Каждое капральство размещалось при своем капральном унтер-офицере, для стоянки которого выбиралась деревня, по возможности в центре самого капральства. Младший или десяточный унтер-офицер становился в другую деревню, преимущественно дальнюю от капральства. Собиралось же все капральство к себе на капральный двор один или два раза в неделю, если тому не препятствовала погода, так как некоторые деревни находились на расстоянии 8 и более верст

от капральства. То же самое можно сказать и о сборе на ротный двор, расстояние до которого от некоторых капральств превышало 20 верст»³⁷.

В период Крымской войны для обеспечения связи между рассредоточенными подобным образом подразделениями гвардии «были учреждены военные почты»³⁸. Однако «ранней весной, едва только солнце начинало пригревать землю, как со всех сторон текли быстрые ручьи, реки разливались на широком пространстве, и наступала страшная распутица... Сообщения между частями оказывались прерванными или сильно попорченными, так что сношение полковых штабов с батальонными делалось затруднительным»³⁹.

Весной 1858 г. штаб одного из батальонов Староингерманландского полка был расположен в Волковском, ротный двор 9-й роты – в д. Кремянице (на расстоянии 17 верст от батальонного штаба), а капральства 9-й роты располагались в деревнях Рогознице (6 верст от ротного двора), Подболотье (7 верст от ротного двора), Бородичи (10 верст от ротного двора)⁴⁰.

В деревнях развод солдат по квартирам входил в обязанности органов земской полиции⁴¹. Главой земской полиции в уезде являлся земский исправ-

³⁶Поликарпов. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го Устюжского генерала князя Багратиона полка (1797–1897). Вильна : Тип. штаба Вил. воен. окр., 1897. С. 124.

³⁷Серебренецкий А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 311–313.

³⁸Ростковский Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. С. 121.

³⁹История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 313.

⁴⁰НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 29. Д. 846. Л. 2–4.

⁴¹Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 588.

ник, назначавшийся из числа местных дворян. Ему подчинялись стантовые приставы, опиравшиеся на сотских и десятских, избиравшихся из числа крестьян [8, с. 70]. В отличие от городов в деревнях не существовало строго установленного порядка отвода крестьянских домов под военный постой. Устав о земских повинностях определял лишь его общие принципы, согласно которым «постой в селениях должен был распределяться таким образом, чтобы ни воинским чинам, ни обывателям не было одним перед другими особого утеснения, соответственно местным возможностям и удобству»⁴². По данным комиссии для улучшения системы податей, «в селениях можно было заметить два способа отправления постоянной повинности: или вся масса военных чинов распределялась уравниательно по всем селениям уезда, или же селения несли повинность по очереди»⁴³. При этом зачастую «развод войск внутри селений производился самими сельскими обществами: военные чины предоставляли старосте или другому общественному начальству приказ или открытый лист, после чего происходил развод по квартирам, так же как и разверстка других повинностей»⁴⁴.

По воспоминаниям ветеранов лейб-гвардии Егерского полка, квартиры, отводившиеся солдатам, «представляли собой в высшей степени неприглядную картину: темная низкая курная изба с удушливым воздухом, вечная теснота, происходившая от того, что здесь же в постоянном соседстве друг с другом жили и солдаты, и хозяева, и куры, и другие не менее полезные домашние животные»⁴⁵. В период полковых сборов Суздальского пехотного полка под Мстиславлем солдаты из-за нехватки места были расквартированы по гумнам и сараям в близлежащих деревнях⁴⁶. В крестьянских избах, где солдаты размещались, как правило, в единственном жилом помещении вместе с хозяевами, большинство солдатских постелей оборудовались на скорую руку прямо на полу возле печек⁴⁷. При этом сами избы, по замечанию особых о земских повинностях присутствий, «были крайне малы и едва достаточны для помещения крестьянских семейств»⁴⁸.

Несмотря на все бытовые неудобства, по свидетельству В. В. Крестовского, «в этой курной хате солдат был своим человеком, особенно если ему уда-

валось полюбовиться хозяйке или хозяйской дочке. Крестьянская женка или дочка непременно мыла ему белье, а постоялец, чем мог, помогал по хозяйству: дрова рубил, лучины для света строгал, воду носил, и, вообще, жил крестьянин с солдатом весьма дружелюбно, уделяя ему и место за столом, и угол на печке» [9, с. 57].

Все убытки, причиненные хозяевам незаконными действиями постояльцев – хищением имущества и продовольствия, потравой полей, огородов, хлебов, – помимо уголовного наказания, требовали от виновных возмещения ущерба в двойном размере⁴⁹. К числу уголовных преступлений, в частности, относились самовольное занятие квартиры под военный постой, подделка квартирных билетов, не установленные законом денежные поборы с местных жителей⁵⁰.

Солдат с мальчиком.
Картина Н. Ю. Силивановича. 1866 г.
Источник: <https://ru.wikipedia.org>

A soldier with a boy.
The picture by N. Yu. Silivanovich. 1866.
Source: <https://ru.wikipedia.org>

⁴²Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 592.

⁴³Сведения о существующем порядке... С. 14.

⁴⁴Там же. С. 17.

⁴⁵История лейб-гвардии Егерского полка... С. 317.

⁴⁶Плестерер Л. История 62-го Суздальского графа Суворова-Рымнинского полка. Белосток : Паровая типолитография Ш. М. Волобринского, 1903. С. 163.

⁴⁷Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка : в 3 т. Т. 2. СПб. : Экон. типолитография, 1906. С. 317–325.

⁴⁸НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁴⁹Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 634.

⁵⁰Там же.

Используемые модели квартирного расположения превращали в центры размещения отдельных армейских подразделений и мелких команд тысячи населенных пунктов Беларуси. В частности, лейб-гвардии Егерский полк в период Крымской войны на территории Гродненской губернии занимал своими подразделениями 204 населенных пункта⁵¹. Военнослужащими резервного батальона Муромского пехотного полка, штаб которого размещался в Полоцке, в 1860 г. был занят 381 населенный пункт (многие из них находились на удалении 22–30 верст от батальонного штаба), а в большинстве деревень, где квартировали солдаты, стояло всего от 3 до 5 крестьянских дворов. При этом численность самого батальона составляла всего лишь 597 солдат и офицеров⁵². От практики подобного квартирного расположения армии пришлось отказаться лишь в период восстания 1863–1864 гг. из-за опасности нападения повстанцев на одиноко квартировавших военных: офицеры воинских подразделений селились «все в одном доме в центре деревни, а солдаты по окрестным дворам с назначением места сбора по тревоге»⁵³. С завершением восстания войска вернулись к привычным для них моделям квартирного расположения.

В марте 1867 г. начальник 7-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Кутяпкин отмечал, что по-прежнему на территории ВЛВО «районы квартир, занимаемые частями войск, очень обширны»⁵⁴. В частности, военнослужащие 14-го уланского Ямбургского полка упомянутой дивизии с осени 1866 до весны 1867 г. занимали постоем 234 населенных пункта. В это же время 4 полка 26-й пехотной дивизии заняли постоем 604 населенных пункта⁵⁵. Осенью 1869 г. военнослужащие одного из эскадронов Ямбургского полка занимали 43 населенных пункта в Гродненской губернии, многие из которых находились на удалении 50 верст от полкового штаба и от 3 до 16 верст – от эскадронного⁵⁶. В это же время 102-й Вятский пехотный полк занимал своими частями 280 населенных пунктов Гродненской губернии⁵⁷. Таким образом, в среднем один полк на постое занимал около 200 населенных пунктов. Всего же на белорусских землях ВЛВО к осени 1868 г. квартировало 27 полков, 6 артбригад (численность каждой из них составляла около половины полка),

а также 9 резервных и губернских батальонов (каждый – около трети численности полка). Из этого следует, что с осени 1868 до весны 1869 г. военным постоем в Беларуси было занято не менее 6,5 тыс. населенных пунктов.

Хозяйский приварок и казенный провиант.

Одной из объективных причин использования подобных моделей квартирного расположения, помимо низкой плотности крестьянского населения, являлись особенности организации продовольственного обеспечения войск в рассматриваемый период. До вступления в силу 1 января 1875 г. Положения о преобразовании воинской квартирной повинности оно осуществлялось хозяевами отводимых под постой домов, что вынуждало чиновников губернских и уездных органов власти при составлении схем размещения отдельных подразделений войск руководствоваться принципом «не менее как по пяти дворов на одного солдата», призванным снизить расходы отдельных домохозяйств на обеспечение военнослужащих продуктами питания⁵⁸.

Следует обратить внимание на то, что ни одна статья Устава о земских повинностях не обязывала гражданское население кормить постояльцев. По мнению правительственной комиссии, изучавшей довольствие солдат в начале 1860-х гг., эта мера не была «установлена никаким положительным законом и поддерживалась одним лишь обычаем»⁵⁹. В этом отношении командующий 1-й армией, части которой дислоцировались на белорусских землях, М. Д. Горчаков в декабре 1857 г. недоумевал: «Со времен Петра существует закон, что постоялец имеет право требовать от хозяина только подстилку, тепло, освещение, горшок и воду. Продовольствоваться же он должен тем, что от казны получает. Соответственно – он не имеет права на приварок от жителей»⁶⁰. Последнее замечание М. Д. Горчакова подтверждает мнение одного из ведущих российских экспертов в области военного хозяйства Е. Яковлева, который в середине 1860-х гг. утверждал, что «относительно продовольствия войск от жителей при постоянном у них расквартировании прямого указания на закон нет: оно только допускается, судя по смыслу статьи 175 части 4 книги 4 Свода военных постановлений, где сказано: войска, которые продовольствуются от жителей, полу-

⁵¹История лейб-гвардии Егерского полка... С. 313.

⁵²РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 2317. Л. 228–333 об.

⁵³История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890 / под ред. П. Н. Воронова. СПб. : [б. и.], 1890. С. 226.

⁵⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 92–92 об.

⁵⁵Там же. Л. 18–48.

⁵⁶Там же. Д. 193. Л. 42.

⁵⁷Там же. Л. 54–61.

⁵⁸Там же. Д. 150. Л. 104.

⁵⁹Свод мнений, относящихся к вопросам по провиантскому, приварочному и фуражному довольствию войск. СПб. : Воен. тип., 1867. С. 6.

⁶⁰РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2.

чаемый ими из магазинов провиант отдают сполна в пользу обывателей»⁶¹.

На протяжении всего исследуемого периода продовольственный паек военнослужащих делился на приварок и провиант. Провиант включал в себя мучные изделия и крупы, приварок – мясо, рыбу, сало, масло и другие продукты животного происхождения, а также овощи. В местах квартирного расположения, где «на каждого солдата приходилось от 3 до 5 хозяйских дворов, приварком он довольствовался только на коренной квартире, с приписных получал хлеб»⁶². По мнению Е. Яковлева, «назначение для продовольствия солдата не одной только квартиры, а 5–6 не могло разорить даже самого бедного крестьянина белорусского края»⁶³.

Разделение продовольственного пайка на две части было обусловлено тем, что провиант мог централизованно закупаться и длительное время храниться на армейских продовольственных складах (провиантские магазины), что в неурожайные годы обеспечивало войска необходимым резервом продовольствия независимо от гражданских хозяйств. Запасы провиантских магазинов служили также тем источником, из которого гражданское население покрывало свои расходы на обеспечение военнослужащих мучными изделиями и крупой за счет так называемой казенной дачи провианта, которая до 1871 г. составляла 2 фунта 40 золотников (900 г) муки или 3 фунта (1230 г) печеного хлеба, а также 24 золотника (102 г) круп в день на одного солдата⁶⁴. По сведениям Е. Яковлева, «данная норма солдатского пайка была установлена Петром Великим и просуществовала без изменений около полутора сотен лет, и потому не только солдаты, но и народ твердо знал размер и состав казенного пайка»⁶⁵.

По мнению правительственной комиссии, изучавшей довольствия солдат в начале 1860-х гг., указанная ежедневная петровская порция муки была слишком велика, и «на русского солдата, который мог съесть 3 фунта хлеба только при усиленных трудах, с удивлением смотрели солдаты иностранных армий, получавшие от 1,5 до 2 фунтов печеного хлеба»⁶⁶. Ежедневная порция круп, напротив, была признана недостаточной. Несмотря на указанные замечания, размеры солдатского пайка к концу

1860-х гг. существенно не изменились и составляли 16/30 гарнца (около 1,8 л) муки и 1,5/30 гарнца (около 0,18 л) круп в день на человека; если вместо муки выдавался готовый хлеб, то норма эта равнялась 3 фунтам (1230 г) хлеба или 1³/₄ фунта (717 г) сухарей⁶⁷. Согласно новым нормам с 1 января 1872 г. каждому солдату в день выделялось по 2 фунта 25,5 золотников (928 г) муки и 32 золотника (138 г) круп. Если же вместо муки довольствие производилось готовым хлебом, то норма эта составляла 3 фунта (1230 г) хлеба или 2 фунта (820 г) сухарей⁶⁸.

По наблюдениям Е. Яковлева, несмотря на то что военнослужащие были обязаны отдавать хозяевам на постое весь свой казенный паек, последние часто отказывались от него, стараясь таким образом обеспечить более дружелюбное отношение со стороны постояльца⁶⁹. Данное наблюдение подтверждают случаи в деревнях Зарубичи, Бараново, Яскевичи, Дорошевичи, Декаловичи, Гудевичи, Огородники, Коваличи Гродненского уезда в октябре 1867 г., когда крестьяне пожертвовали положенный им за довольствие войск провиант в пользу солдат Пермского пехотного полка⁷⁰. Оставшиеся в подобных случаях излишки муки продавались солдатами «к явному ущербу казенным интересам»⁷¹. Данная практика настолько укоренилась в российской армии, что военнослужащие продолжали продавать излишки провианта и в первое десятилетие XX в. Это подтверждает обсуждение в военном министерстве вопроса о пресечении незаконной торговли мукой, осуществлявшейся войсками в 1908 г.⁷²

Создавать запасы мяса, рыбы и других скоропортящихся продуктов и затем централизованно их перераспределять между рассредоточенными на гражданских подворьях военнослужащими было невозможно. Поэтому приварок по сложившейся традиции готовился для солдат хозяевами отводимых по постоянной повинности домов (для обеспечения мясом солдат, квартировавших в казармах, а также располагавшихся в летних полевых лагерях, государственное казначейство выделяло наличные деньги). Никаких строгих требований к составу и качеству хозяйского приварка не предъявлялось. По распоряжению министра государственных имуществ М. Н. Муравьева от 1856 г. «не должно было

⁶¹Яковлев Е. Современное положение разработки вопросов до провиантского и приварочного довольствия войск относящихся. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1866. С. 15.

⁶²Серебренницкий А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 325.

⁶³Яковлев Е. Современное положение... С. 20.

⁶⁴Свод мнений... С. 2.

⁶⁵Яковлев Е. Современное положение... С. 31.

⁶⁶Свод мнений... С. 2, 32.

⁶⁷Там же. С. 158.

⁶⁸Лапахристо Е. А. Свод постановлений о провиантском, приварочном и фуражном довольствии. СПб. : Воен. тип., 1879. 189 с.

⁶⁹Яковлев Е. Современное положение... С. 12.

⁷⁰НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 131.

⁷¹Яковлев Е. Современное положение... С. 12.

⁷²РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 982.

требовать в приварок более того, что сами крестьяне употребляли в пищу»⁷³. По сведениям Е. Яковлева, в середине 1860-х гг. солдаты продолжали «довольствоваться той пищей, которую употребляли сами хозяева»⁷⁴. По свидетельству В. В. Крестовского, в конце 1860-х – начале 1870-х гг. «в крестьянской хате солдата кормили, чем Бог послал, а ели крестьяне испокон веку плохо, кроме картошки да гороха ничего не смакуючи. Разве что когда к Рождеству “кабаны кололи” – то тогда и борщ со свиной, и кашу с салом на стол подавали, а в обыкновенное время все больше картофельной затиркой да кулешиком баловались» [9, с. 57]. Бедное еврейское население городов также «могло довольствоваться неимоверно малой долей самой неприхотливой пищи: фунта два хлеба, селедка да несколько цибулек – вот и все их дневное пропитание; для солдата они заводили особый горшок, в котором отдельно варили ему пищу»⁷⁵.

Отсутствие в Уставе о земских повинностях норм, которые бы обязывали гражданское население безвозмездно обеспечивать военнотружущих продовольствием, по мнению правительственной комиссии, «позволяло населению отказывать солдатам в приварке»⁷⁶. По сообщению министра государственных имуществ, к 1856 г. в Беларуси и Литве участились случаи отказа крестьян от приготовления приварка «вследствие распространившихся толков, будто солдат не должно кормить на квартирах и что с дарованием им приварочных денег жители уже не обязаны это делать». В приварке постояльцам отказывали даже зажиточные крестьяне⁷⁷. По свидетельству командующего 1-й армией М. Д. Горчакова, 1-й армейский корпус, «придя в литовские губернии из Царства Польского, не нашел там приварка»⁷⁸. В частности, солдаты Староингерманландского полка, не получив приварка от крестьян помещика Юровского в д. Машталеры Гродненского уезда, вынуждены были вернуться на ротный двор в Гродно, чтобы довольствоваться из общего артельного котла⁷⁹.

В начале 1850-х гг. в военном министерстве активно обсуждался проект введения денежного вознаграждения для гражданского населения за приварок в счет средств, сэкономленных от ликвидации провиантских магазинов. Однако это предложение было отклонено военным министерством в силу

того, что уничтожение провиантских магазинов в неурожайные годы лишило бы войска необходимого продовольственного резерва⁸⁰.

По проекту генерала В. Ф. Лауница хозяевам занятых под постой домов было предложено выдавать вознаграждение, включавшее стоимость суточной порции муки по местным рыночным ценам и дополнительный постоянный оклад в 1,5 коп. Генерал В. М. Аничков предлагал вместо компенсации продовольствия наличными деньгами выдавать крестьянам купоны, которыми они смогли бы оплачивать подати и повинности, рассчитываясь с провиантскими магазинами за полученную муку и крупы, а также свободно обменивать их на наличные деньги⁸¹.

Однако, по мнению большинства членов комиссии, сама возможность предоставить солдату право требовать в этом случае приварка нанесла бы ущерб основной идее нововведения. Защитники существовавшего порядка утверждали, что бесплатный приварок делал солдата более послушным хозяину. Также высказывалось опасение, что денежные средства, оказавшись в руках солдат, будут использованы не по назначению. К тому же члены комитета считали, что денежное вознаграждение невыгодно для солдат в нехлеббородных губерниях Беларуси, где большинство крестьян самостоятельно не могли обеспечить пропитанием собственную семью⁸².

Несмотря на многолетнюю работу двух правительственных комиссий, «существовавшую систему продовольствия войск оставили доживать свой век в том виде, в каком ее создали время и обычаи»⁸³.

Использование хозяйского приварка в качестве основного источника продовольственного обеспечения военнотружущих ставило последних в прямую зависимость от благосостояния отдельных хозяйств, урожайности хлебов в местах дислокации, личных качеств хозяина. В силу этих обстоятельств солдат на постое, нередко как и крестьянин, не получал достаточного количества необходимой зрелому организму пищи. В этом отношении В. В. Крестовский отмечал: «Везде и повсюду та же затирка и картошка. Выход из подобного положения был только один: если не казарменное, то тесное расположение с довольствием из артельного котла» [9, с. 57]. В период Крымской войны в Беларуси из-за скудности крестьянского обеденного стола

⁷³ НИАБ в г. Гродно. Ф. 31. Оп. 3. Д. 360. Л. 1–2.

⁷⁴ Яковлев Е. Современное положение... С. 15.

⁷⁵ Там же. С. 67.

⁷⁶ Свод мнений... С. 6.

⁷⁷ НИАБ в г. Гродно. Ф. 31. Оп. 3. Д. 360. Л. 1–2.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2.

⁷⁹ НИАБ в г. Гродно. Ф. 31. Оп. 3. Д. 360. Л. 18 об.

⁸⁰ Яковлев Е. Современное положение... С. 2.

⁸¹ Там же. С. 23.

⁸² Там же. С. 16–24.

⁸³ Там же. С. 21.

в лейб-гвардии Преображенском полку мясо для приварка приобреталось за счет средств самого полка, дополнительно нижним чинам выдавалось по 2 лота (25,6 г) сала в день на человека. Все продовольственные припасы отпускались нижним чинам на руки на неделю вперед, пища готовилась сообща на несколько солдат, квартировавших в соседних домах⁸⁴. Подобным образом в это же время каждый солдат Финляндского полка ежедневно получал кусок сала (в несколько золотников), которое он должен был класть в хозяйскую варку⁸⁵. Хозяева, которые не могли обеспечить своих постояльцев приварком, обязаны были предоставить им стол, ставец, горшок, воду и очаг для приготовления пищи⁸⁶.

Именно из-за неспособности крестьянского населения обеспечивать войска продовольствием солдаты гвардейских подразделений весной 1855 г. были стянуты к ротным дворам «для продовольствия собственным попечением из общего артельного котла»⁸⁷. При составлении схем территориального размещения подразделений 26-й пехотной и 7-й кавалерийской дивизий в отведенных для них районах в 1869 г. один из основных вопросов, поднимавшихся их командирами перед гражданской администрацией, формулировался следующим образом: «Не встретится ли препятствий для довольствия войск от жителей?»⁸⁸ В частности когда стрелковые роты Суздальского полка в конце сентября 1869 г. расположились на широких квартирах в районе м. Хиславичи Мстиславского уезда, где должны были довольствоваться приварком от жителей, из-за дефицита продовольствия в крестьянских хозяйствах спустя месяц они вынужденно вернулись в местечко «для довольствия из котла». Подобным образом 5-я и 6-я линейные роты того же полка в конце ноября «были стянуты к Кричеву и перешли на котловое довольствие»⁸⁹.

Одной из главных причин привязанности войск (в том числе гвардии, пользовавшейся особым финансовым покровительством царской семьи и правительства) к хозяйскому приварку, вероятно, было стремление офицерского корпуса избавиться от обременительного процесса организации полевых кухонь с довольствием солдат от котла, что требовало строго установленного режима питания и регуляр-

ного сбора личного состава из отдаленных друг от друга населенных пунктов. Данное предположение подтверждает мнение командующего 1-м армейским корпусом, отмечавшего в 1857 г., что «зимой котел особенно затруднителен – солдатам далеко ходить по два раза в день на обед и ужин; хозяину же совсем не трудно варить пищу для солдата вместе со своей, поэтому солдату лучше есть с хозяином»⁹⁰.

Истощение продовольственных ресурсов гражданского населения заставляло подразделения войск регулярно перемещаться в отведенных для них районах квартирного расположения. Так, части гвардии в период Крымской войны «через каждые шесть-восемь недель переходили из волости в волость на новые квартиры для того, чтобы не слишком обременять обывателей одной какой-либо довольно ограниченной местности... <...> Вследствие этого люди не имели возможности устроиться сколько-нибудь прочно на одном месте, что весьма неблагоприятно сказывалось на состоянии их здоровья. Число людей, заболевших разными болезнями, преимущественно заразными, было значительным»⁹¹. Например, подразделения лейб-гвардии Московского полка, квартировавшие в районе Гродно, с 3 августа 1855 г. по 6 апреля 1856 г. шесть раз сменили квартиры⁹². Выбирая места для очередной стоянки, командиры «тщательно осведомлялись и обходили селения, где была замечена какая-либо эпидемическая болезнь, там не назначались ночлеги и дневки, не покупались продукты»⁹³.

Согласно данным обзора военного министерства в 1860–1865 гг. «постояй войск натурой заставлял армию непрерывно менять квартиры и ежегодно в течение восьми зимних месяцев держать людей разбросанно по отдельным деревням и дворам, когда сравнительно небольшая часть занимала целый уезд, квартируя на пространстве нескольких сот квадратных верст»⁹⁴.

По воспоминаниям В. В. Крестовского, квартировавшего в Гродненской губернии в качестве эскадронного командира Ямбургского уланского полка во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг., «эскадроны в отведенных для них районах регулярно

⁸⁴ Долгов С. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб. : Тип. Преображ. полка, 1888. С. 250.

⁸⁵ Ростковский Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. С. 123.

⁸⁶ Яковлев Е. Современное положение... С. 15.

⁸⁷ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 313.

⁸⁸ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 193. Л. 54–61.

⁸⁹ Плестерер Л. История 62-го Суздальского графа Суворова-Рымнинского полка. Белосток : Паровая типолитография Ш. М. Волобринского, 1903. С. 170.

⁹⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1904. Л. 2.

⁹¹ Гулевич С. А. История лейб-гвардии Финляндского полка. Т. 2. С. 317–325.

⁹² Ляпунов А. Я. Хроника л.-гв. Московского полка. 1811–1879. М. : Канцелярия лейб-гвардии Моск. полка, 1889. 304 с.

⁹³ История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. С. 315.

⁹⁴ Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1865. С. 137, 138.

меняли места размещения: взводы переходили из волости в волость на новые квартиры. Один только «эскадронный двор» или «штаб» оставался неизменно в одном и том же месте во всю зимнюю стоянку, взводы же непременно меняли свои квартиры в прилежащих окрестностях» [9, с. 57]. Это наблюдение подтверждают сведения командира Ямбургского полка, предоставленные гродненскому губернатору в октябре 1866 г., согласно которым «взводы полка в течение зимы 1866–1867 гг. через месяц или два должны были переходить из одних деревень в другие»⁹⁵. Покидая очередную стоянку, военнослужащие обязаны были заручиться квитанцией, подтверждавшей, что «во время квартирования в уезде жителям обид и притеснений чинимо не было, а равно безденежно или же за деньги насильным образом ни у кого ничего не требовалось»⁹⁶.

Частые перемещения войск значительно увеличивали количество занимаемых ими в разное время дворов, а также причастных к продовольственному обеспечению военнослужащих крестьянских

хозяйств в белорусских губерниях. Так, только на территории Минской губернии в течение 1870 г. военным постоем, по данным губернского статистического комитета, солдатами и унтер-офицерами было занято 293 146 гражданских хозяйств. При этом численность населения губернии составляла 1 182 230 человек. Учитывая тот факт, что в одном доме, как правило, проживает не менее трех человек, можно сделать вывод, что в 1870 г. военнослужащие не обошли постоем практически ни одного дома Минской губернии⁹⁷.

Несмотря на все сложности в продовольственном обеспечении, управлении и взаимодействии рассредоточенных подразделений, современники отмечали, что «самая вольготная стоянка для солдата – это стоянка во взводе, т. е. в забытой Богом деревушке, брошенной в какую-нибудь часто непролазную глушь... Иногда взводы разбивались и на две смежные, ближайšie деревушки. Начальства над солдатом тут всего лишь один взводный унтер-офицер, а потому и службой донимать некому» [9, с. 56].

Измайловцы играют в шахматы.
Картина А. И. Гебенса. 1850-е гг.
Источник: <https://jodkowskiv.livejournal.com>
Izmailovsky regiment play chess.
Picture by A. I. Gebens. 1850s.
Source: <https://jodkowskiv.livejournal.com>

Военный постой в городах и местечках. Квартирные комиссии. До середины 1870-х гг. пехотные и кавалерийские полки, как правило, оставляли в городах и местечках только полковой штаб и до одной роты нижних чинов. В частности, в период Крымской войны из состава лейб-гвардии Финлянд-

ского полка, квартировавшего в районе Вильно, в самом городе оставался только полковой штаб с караульной ротой. «Остальные роты были размещены на пространых квартирах в назначенных для того деревнях»⁹⁸. В 1858 г. со штабом Староингерманландского полка в Волковыске остались «полков-

⁹⁵ НИАБ в г. Гродно. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 5–6.

⁹⁶ НИАБ. Ф. 1416. Оп. 3. Д. 11573. Л. 8.

⁹⁷ Обзор Минской губернии за 1870 г. / Мин. губ. стат. ком. Минск : Губ. тип., 1871. С. 34, 112.

⁹⁸ Ростковский Ф. Я. История лейб-гвардии Финляндского полка. С. 121.

ник с семейством, три младших штаб-офицера, врач с семейством, четыре караульных офицера, лазарет, канцелярия, музыкантская школа на 100 человек, гауптвахта и полковой цейхгауз»⁹⁹. Осенью 1868 г. из состава 103-го Петрозаводского полка, штаб которого располагался в Брест-Литовске, в самом городе при штабе осталось только две роты солдат. В это же время со штабом 104-го Устюжского полка в уездном Кобрине не осталось ни одной роты¹⁰⁰.

Однако частые передвижения подразделений внутри района дислокации, неблагоприятные погодные условия (распутица, метели), плохое состояние дорог и низкая плотность деревенского населения в отдельных уездах заставляли отступать от принятых норм, размещая значительную часть армейских подразделений в городах.

Так, на протяжении 1859 г. в Витебске было отведено 1163 квартиры для нижних чинов и еще 14 – для штаб- и обер-офицеров; в Городке Витебской

губернии в том же году была отведена одна генеральская квартира, 17 обер-офицерских квартир и 450 квартир для рядовых; в Лепеле – одна обер-офицерская квартира и 63 квартиры для рядовых; в Полоцке – 1024 квартиры для рядовых, 112 квартир для штаб- и обер-офицеров, 3 квартиры для генералов; в Сураже 250 квартир отводилось для рядовых, 4 – для штаб- и обер-офицеров, одна – для генерала; в Дриссе – 2 тыс. квартир для рядовых, 7 – для обер-офицеров, 249 – для военнослужащих постоянно квартировавшей в городе инвалидной команды¹⁰¹.

По данным делопроизводства минской квартирной комиссии, на протяжении 1867 г. в Минске под военный постой было отведено 660 гражданских домохозяйств для постоянно квартировавших в городе войск, 2872 – для временно квартировавших, 5110 – для проходивших через город (квартировавших менее трех дней).

Панорама Минска. Фото. Не позднее 1863 г.
Источник: <https://visualhistory.livejournal.com>
Panorama of Minsk. Photo. No later than 1863.
Source: <https://visualhistory.livejournal.com>

Всего на протяжении 1867–1869 гг. жители Минска отбыли 4 035 137 постоянных дней (величина, выражавшая количество дней, проведенных одним военным постояльцем на отведенной ему квартире). Из этого следует, что на протяжении трех лет ежедневно населением принималось 3685 военных постояльцев¹⁰². По данным губернского статистического комитета, в Минске к 1870 г. было всего лишь 2228 жилых и нежилых домов¹⁰³. В том же 1870 г.

населением Борисова было отбыто 194 530 постоянных дней. А это значит, что в среднем ежедневно борисовчане принимали на постой 533 военных (при общем числе жителей 4831 человек)¹⁰⁴.

В 1874 г. в Горках Могилёвской губернии постоянно квартировали 850 военнослужащих Углицкого полка (общая численность населения уездного центра составляла около 4,5 тыс. жителей). В это же время в Дубровно Могилёвской губернии на по-

⁹⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 13 об.

¹⁰⁰Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 150. Л. 18–48.

¹⁰¹НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 30878. Л. 1–10 об.

¹⁰²Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 5–32 об.

¹⁰³Обзор Минской губернии за 1870 г. С. 126.

¹⁰⁴Там же. С. 35, 111.

стое размещалось около 600 военнослужащих того же полка¹⁰⁵. По данным правительственной комиссии для пересмотра системы податей и сборов, в 1874 г. в Могилёве постоянно квартировали 76 офицеров и 2703 солдата, в Минске – 75 офицеров и 2616 солдат, в Полоцке – 44 офицера и 1215 солдат, в Брест-Литовске – 34 офицера и 803 нижних чина, в Гомеле – 14 офицеров и 722 солдата, в Новогрудке – 27 офицеров и 669 солдат, в Орше – 21 офицер и 610 солдат, в Пинске – 18 офицеров и 608 солдат, в Мозыре – 18 офицеров и 530 солдат, в Слуцке – 25 офицеров и 343 солдата¹⁰⁶.

Развод солдат и офицеров по квартирам в городах и местечках являлся обязанностью квартирных комиссий, в состав которых входили полицмейстер, депутаты от дворян, купцов и мещан-христиан, а также особые депутаты от еврейской части городского населения¹⁰⁷. В частности, к 1866 г. в состав Кобринской квартирной комиссии под председательством помощника уездного исправника штабс-капитана В. И. Жиркевича входили депутат от дворян И. Н. Гродзкий, депутат от мещан-христиан И. А. Маслиевич, депутат от мещан-евреев Ю. П. Влодавский и письмоводитель¹⁰⁸. К 1873 г. в состав Брест-Литовской квартирной комиссии под председательством полицмейстера входили депутат от дворян отставной полковник А. С. Масловский, депутат от мещан-христиан Н. И. Лигорич, депутат от мещан-евреев А. М. Тайндетник и письмоводитель¹⁰⁹. Могилёвская и Витебская квартирные комиссии, располагаясь в домах местных полицмейстеров, имели собственного письмоводителя-бухгалтера с окладом 500 руб. в год и писца, получавшего по 250 руб. в год. На канцелярские нужды двух последних комиссий уходило по 200 руб. в год, что свидетельствует о колоссальном объеме работ, выпадавших на долю данных учреждений¹¹⁰. При этом «дозволялось учреждать квартирные комиссии и в местечках»¹¹¹. В 1858 г. депутат Волковысской квартирной комиссии от дворян А. М. Улицкий просил освободить его от членства

в ней из-за того, что «бесперывные требования квартировавших в Волковыске войск об отводе под постройку обывательских помещений, удовлетворение оных и переписка по комиссии требовали каждодневного его присутствия и лишали времени для исполнения первейших обязанностей»¹¹². По свидетельству П. О. Бобровского, в городах Гродненской губернии «многие должностные лица за беспорядки по квартирным комиссиям (в 1850–60-х гг. – А. А.) были уволены от должности»¹¹³.

До 1865 г. не существовало каких-либо общих правил оформления требований, предъявляемых войсками местным гражданским органам власти для удовлетворения потребностей в квартирном довольствии. В 1862 г. правительственная комиссия для улучшения системы податей и пошлин признала, что «отправление квартирной повинности в России находится в совершенном беспорядке и не имеет никакой правильной и однообразной организации»¹¹⁴. Для упорядочения данного процесса с 1865 г. в каждом армейском подразделении были заведены специальные шнуровые книги. В одном из постановлений военного министра утвердилось: «Для устранения разного рода неправильностей, существующих ныне в хозяйстве войск по предмету довольствия, а равно для предоставления возможности проверять правильность требований необходимо завести в каждой отдельной части войск особые шнуровые книги, для того чтобы в книги эти были записываемы все требования частей»¹¹⁵. Следует обратить внимание на то, что злоупотреблявшие подобными требованиями командиры должны были самостоятельно возмещать все несправедливо понесенные населением убытки¹¹⁶.

В делопроизводстве квартирных комиссий велись настольные книги прихода и расхода квартирных сумм, квитанционные книги (в них заносились сведения о выданных населению в обмен на наличные деньги квитанциях), тетради о недоимках и долгах¹¹⁷. Квартирными комиссиями также велись

¹⁰⁵НИАБ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–66.

¹⁰⁶Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Окончательный проект о постоянной повинности. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1874. С. 68–71.

¹⁰⁷Свод законов Российской империи. С. 588.

¹⁰⁸Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1867 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1866. С. 167.

¹⁰⁹Адрес-календарь и памятная книжка Гродненской губернии на 1874 г. / Гродн. губ. стат. ком. Гродно : Губ. тип., 1873. С. 119.

¹¹⁰Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 14. С. 733 ; Т. 22. С. 116.

¹¹¹Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 588.

¹¹²НИАБ в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 7. Д. 1268. Л. 4.

¹¹³Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 т. Т. 2. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1863. С. 756.

¹¹⁴Труды комиссии... Окончательный проект о постоянной повинности. С. 34.

¹¹⁵НИАБ в г. Гродно. Ф. 23. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

¹¹⁶Там же.

¹¹⁷LVIA. F. 389. Ap. 1. B. 873 ; Ibid. B. 711 ; Ibid. B. 831 ; Ibid. B. 852 ; Ibid. Ap. 2. B. 134 ; Ibid. B. 152 ; Ibid. B. 177 ; Ibid. Ap. 3. B. 250 ; Ibid. B. 282 ; Ibid. Ap. 4. B. 77 ; Ibid. B. 122.

журналы, в которые заносились личные сведения о владельцах домов и о военнослужащих, направлявшихся к ним на постой¹¹⁸.

Именно квартирные комиссии определяли порядок расположения военнослужащих в гражданских жилищах, вручая один квартирный билет хозяину дома (с именами постояльцев), второй – военнослужащим (с номером дома и именем хозяина), без предъявления которого последние не могли быть приняты на постой¹¹⁹. При этом «воинские команды в отношении к помещению их (т. е. квартирному довольствию. – А. А.) не могли производить никаких требований прямо к обывателям без участия гражданских властей» и «не имели права занимать квартиры по одним своим прихотям или переходить из дома в дом самовольно»¹²⁰. В домах, где были специально выделены комнаты для постояльцев, число последних определялось площадью помещений и составляло от 6 до 16 нижних чинов пехоты и от 2 до 5 кавалеристов. В домах, где не было отдельных помещений для постоя, военнослужащие располагались в одном помещении с домохозяевами: «Где состоит у хозяина всего два или три покоя, там нижних чинов ставить по местным удобствам вместе с людьми хозяйскими, где же всего один покой, там и вместе с хозяевами»¹²¹. В обязательном порядке обер-офицеру полагалась отдельная комната, штаб-офицеру – две комнаты, генералу – от четырех до семи комнат (в тех случаях, когда «домов по сему размеру было недостаточно, довольствовались теми, какие случатся, занимая лучшие квартиры по старшинству чинов»)¹²².

Очевидно, что определенная часть отводившихся по постоянной повинности жилых помещений в силу объективных социально-экономических причин и множества субъективных факторов частной жизни не отвечала принятым в исследуемый период санитарным требованиям и нормам бытовой культуры. О неблагоприятных условиях квартирного расположения военнослужащих свидетельствует отчет врача Новоингерманландского полка за 1865 г., согласно которому солдатские квартиры, «занятые у бедных горожан, плохо отапливались, содержались неопрятно... Солдаты жили по одному и по два человека в маленьких комнатах вместе с семьями хозяев до десяти человек, в то время как большинство домов богатых мещан оставались сво-

бодными от постоя»¹²³. Ранее, зимой 1858–1859 гг., прапорщику Родзевичу из Староингерманландского полка в Гродно «квартира была отведена в доме Зубравского в районе Роскоши, расположенном в углу грязного двора. Двери, отделявшие его комнату от людской, были заколочены досками так неплотно, что в нее проникал шум и неприятные запахи. В доме Левина на Виленской улице под постой была отведена комната грязная и запущенная. Дом мещанина на Скальшановской улице со двора почти до половины врылся в землю, каменный дом Станкевич на Мостовой улице разваливался на глазах»¹²⁴. В рапорте старшего адъютанта 3-й пехотной дивизии Недвецкого отмечалось: «В остальных домах, указанных квартирной комиссией под постой офицеров, хотя и имелись приличные помещения, но таковые были заняты по найму частными лицами и в оных для офицеров квартир очищаемо не было, от чего они вынуждены были получать предложенные хозяевами деньги для найма других для себя помещений, но как этих денег зачастую недостаточно для аренды приличной квартиры, то некоторые офицеры вынуждены были доплачивать собственными деньгами»¹²⁵.

В квартире, отводимой офицеру на основании ст. 637 Устава о земских повинностях, должны были находиться кровать, стол, четыре стула, комод, скамья, вешалка¹²⁶.

По замечанию могилёвского губернского правления, адресованному горецкому уездному исправнику в 1863 г., «невзирая на постоянные жалобы на дурное и неисправное состояние отводимых городскими и земскими учреждениями помещений, названные учреждения решительно отказываются в принятии каких-либо мер для исправления означенных помещений, оставляя все требования воинских начальств без всякого удовлетворения»¹²⁷. «Хозяин вместо того, как положено в законе, отвести покои теплые, прочные, во всем исправные, показывает вам какой-нибудь чулан или вовсе нежилую комнату, грязную, сырую, с дырами в полу. При несогласии принять отводимую квартиру обыкновенно требует, чтобы частный пристав освидетельствовал ее, или переменял квартиру, или приказал хозяину отвести другие комнаты: но исполнение этого может случиться через неделю, причем бывает нередко, что дают квартиру еще худшую»¹²⁸.

¹¹⁸Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 591.

¹¹⁹Там же.

¹²⁰Там же. С. 574, 593.

¹²¹Там же. С. 588.

¹²²Там же. С. 590.

¹²³Пирожников П. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула : Электротпечатня и тип. И. Д. Фортунатова, 1913. С. 295.

¹²⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 29. Д. 940. Л. 17–18.

¹²⁵Там же.

¹²⁶НИАБ в г. Гродно. Ф. 492. Оп. 1. Д. 19. Л. 287.

¹²⁷НИАБ. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

¹²⁸Серебренецкий А. Постой войск в селениях // Инж. журн. 1864. № 4. С. 309.

Гродно на въезде в город.
Акварель Наполеона Орды. 1866 г.
Источник: <https://upload.wikimedia.org>
Hrodna at the entrance to the city.
Watercolour by Napoleon Orda. 1866.
Source: <https://upload.wikimedia.org>

Красноречиво об условиях квартирного расположения свидетельствует личный пример генерала А. В. Паткуля, командира лейб-гвардии Павловского полка, который в ветхом доме, выделенном ему Волковысской квартирной комиссией, из-за сырости и холода «ни днем ни ночью не снимал шинели»¹²⁹. Квартировал генерал в этом более чем скромном жилище вместе со своей женой и детьми. Там же, в Волковыске, в подобных условиях квартировал командир Староингерманладского полка полковник Чертов: «Указанная для меня квартирной комиссией квартира, – вспоминает он, – представляет старый и совершенно ветхий дом, несколько лет уже никем не занимаемый, со сгнившими и осевшими в землю стенами. Потолок ее касался головы человека среднего роста. В комнатах стоял смрад, так что в них невозможно было находиться, не открывая окон»¹³⁰. В этом отношении А. Серебrenицкий к 1864 г. отмечал: «В прежнее время невозможно было допустить и мысли, чтобы офицер не имел приличной квартиры... Он распоряжался без церемоний с мужиками. Об отоплении и говорить нечего: не доставят мужики, так солдаты нарубят сами в лесу, а за неимением лесов и при недоставке дров жителями велят и плетни с заборами валить. Но времена такие обратились в предания. Вообще, следует сказать, что в настоящее время наше положение во многих

отношениях стало зависеть от самих жителей»¹³¹. В частности, в период восстания 1863–1864 гг. в Вильно «поляки не принимали военных на постой, поэтому большая часть офицеров вынуждена была арендовать квартиры, за которые платили от 30 руб. в месяц»¹³².

По мнению командиров соединений, дислоцировавшихся на белорусских землях, расположение военнослужащих в гражданских жилищах оказывало негативное влияние на моральный облик молодых солдат и офицеров: «Они, рассеянные по деревням, разбросанные по захолюстьям, помещаясь в тесных и грязных жилищах, или упражнялись на зеленом поле, или сидели сложа руки, не имея возможности ничем заменить карты, кроме вина как единственного предмета, охотно доставляемого гражданским окружением»¹³³. По заключению военных экспертов российского Генштаба, до последней четверти XIX в. «трудно было найти какую-либо другую отрасль войскового благоустройства, которая могла бы мириться с этим способом квартирования, не страдала бы от него, не требовала бы коренной его реформы»¹³⁴.

Использование гражданских домохозяйств для квартирного довольствия войск в исследуемый период можно рассматривать также в качестве одного из средств политико-административного давления на гражданское население. В частности, по мнению

¹²⁹История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890. С. 317–325.

¹³⁰НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 64.

¹³¹Серебrenицкий А. Постой войск в селениях. С. 342.

¹³²История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890. С. 222.

¹³³Пирожников П. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. С. 94.

¹³⁴Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. СПб. : Тип. Деп. уделов, 1865. С. 137.

И. Н. Волковой, «войсковой аппарат, встроенный в жилой массив, гарантировал проникающую систему контроля, которая была недоступна гражданским органам», что позволяло им «с упреждением реагировать на “сейсмическую” нестабильность отдельных зон российского пространства», подавляя центробежные тенденции и распространение антироссийских настроений [10, с. 111]. Так, в период восстания 1863–1864 гг., после разгрома наиболее организованных повстанческих отрядов и вступления в должность виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, части армейских соединений в ВлВО, разделенные на небольшие отряды, стали располагаться в деревнях и местечках повзводно и поротно, что, по свидетельству современников, «создавало впечатление наводненности края войсками»¹³⁵.

Однако участие офицеров российской армии в серии антиправительственных выступлений (восстание декабристов, подготовка военного переворота в Бобруйской крепости, восстание 1863–1864 гг.), а также активное привлечение уроженцев белорусских губерний к службе в частях ВлВО и Варшавского военного округа свидетельствуют, что армия была открыта для принятия чуждых существовавшему строю идеологических установок, а поэтому зачастую аккумулировала антиправительственные настроения, которые получали распространение среди ее гражданского окружения. В частности, нижние чины российских войск в преддверии восстания 1863–1864 гг. открыто посещали костелы, в которых по завершении богослужений пелись революционные гимны, а многие офицеры открыто сочувствовали восстанию¹³⁶. В начале 1860-х гг. командиры подразделений 1-й армии, дислоцировавшихся на белорусских землях, доносили о растущей популярности в войсках марша «Гарибальди» и массово изымаемых у военнослужащих политических прокламациях, воззваниях и брошюрах («Что нужно делать войску?», «Русским войскам в Польше», «Что хочет русский народ?» и пр.)¹³⁷.

Тяготы и лишения, которые претерпевало гражданское население Беларуси, где была сосредоточена несоизмеримо большая часть войск, нежели в любом другом регионе Российской империи, привели Генштаб в 1865 г. к убеждению, что многие проблемы социально-экономического характера, с которыми в рассматриваемый период сталкива-

лись «западные губернии, и в целом их истощение, по справедливости и в значительной мере следовало приписать непрерывному усиленному постою, которому они подвергались как в военное, так и мирное время»¹³⁸. Объективными причинами негативного воздействия военного постоя на благосостояние гражданских домохозяйств являлись: 1) дефицит продовольствия; 2) теснота жилищ при больших семьях; 3) обязанность населения производить сопутствовавшие военному постою денежные сборы. Так, в д. Великие Гринки Свислочского уезда, назначенной для расквартирования одного из ротных дворов Староингерманландского полка, по свидетельству полкового командира Орлова, было всего лишь 32 крестьянских двора. Жители по бедности не могли давать удовлетворительного приварка, а при необходимости сбора какой-либо команды при ротном дворе были совершенно стеснены и лишены последнего состояния к продовольствию постояльцев¹³⁹. Жители м. Высоко-Литовск Брестского уезда жаловались, что при размещении у них в местечке батальонного штаба «придется занять частный дом, выбросив оттуда хозяев»¹⁴⁰. По замечанию командира гродненского губернского батальона, все без исключения жители Гродно любыми путями стремились «уклониться от исполнения квартирной повинности»¹⁴¹.

По воспоминаниям А. Ф. Риттиха, квартировавшего в Минской губернии в начале 1860-х гг., «от бытовых неудобств, встречающихся то тут то там, часто возникали пререкания с городом. Часть требовала улучшения, а город не давал или оттягивал. А были такие города, которые, ради этих недостатков, требований и пререканий, выражали открыто желание избавиться от квартирования части»¹⁴². В частности, полковник Бальц, который непродолжительное время в 1850-х гг. квартировал в Волковыске, в своем отзыве писал: «Относительно отвода выгодных квартир квартирующим штаб- и обер-офицерам вверенного мне полка могу утвердительно и беспристрастно сказать, что не только почти все офицеры не имеют таковых, но даже и я сам не имею приличной квартиры единственно потому, что городские чиновники по частным и ближайшим отношениям предпочли в этом более выгод жителям, нежели военным»¹⁴³.

Наиболее обремененными военным постоем оказывались населенные пункты, лежавшие вдоль

¹³⁵История лейб-гвардии Павловского полка: 1790–1890. С. 230, 238.

¹³⁶Гулевич С. А. Четырех-с-половиной-вековая с 1478 по 1911 г. история 8-го пехотного Эстляндского полка. СПб.: Типо-литография Вас. Остр., 1911. С. 243.

¹³⁷РГВИА. Ф. 14014. Оп. 3. Д. 356; Там же. Д. 359.

¹³⁸Обзор деятельности военного министерства в последнее пятилетие, финансовых его средств и нужд армии. С. 139.

¹³⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 257.

¹⁴⁰Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 61. Л. 11.

¹⁴¹Там же. Л. 4.

¹⁴²Риттих А. Русский военный быт... С. 141.

¹⁴³НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1023. Л. 39–40.

ведущих транспортных магистралей. «Некоторые из расположенных на Московско-Брестском шоссе деревень, – писал губернатору в 1856 г. пружанский земский исправник, – такие как Шени, Коптевки, Яновичи, Огородники, Новоселки, Жичин, были обременены постоем войск непрерывно»¹⁴⁴. Весной 1856 г. для войск гвардии, выступавших в Москву, «из-за сильной распутицы назначались

ночлеги как можно ближе к шоссе, так как отводить части в сторону после длительного перехода было невозможно»¹⁴⁵. Для того чтобы как-то облегчить тяготы, выпадавшие на долю лежавших у шоссе деревень в Гродненской губернии, 27 из них были освобождены от постоянно квартировавших в губернии войск и несли постоянную повинность только в отношении подвижных колонн¹⁴⁶.

Лейб-гусары у водооя.
Картина М. О. Микешина. 1853 г.
Источник: <http://друзья-сябры.рф>
Lite-hussars at the watering hole.
Picture by M. O. Mikeshin. 1853.
Source: <http://друзья-сябры.рф>

С введением в силу Положения о преобразовании воинской квартирной повинности в 1875 г., запретившего войскам безвозмездно занимать гражданские жилища, главным способом квартирного довольствия военнослужащих должна была стать аренда офицерских квартир, а также казарменное размещение нижних чинов в арендуемых либо специально построенных для этого казармах. Так,

уже к концу 1875 г., по данным Генштаба, из общего числа войск ВлВО на гражданских подворьях квартировало только 33,5 % нижних чинов (для сравнения: накануне введения в силу положения 1875 г., по данным командующего округом, в них квартировало 87 % нижних чинов). По прошествии 10 лет после реформы к 1886 г. в гражданских жилищах квартировало всего 6,5 % нижних чинов ВлВО¹⁴⁷.

Выводы

Таким образом, анализ актов законодательства, материалов делопроизводства и статистики органов военного интендантства, институтов местного гражданского управления и самоуправления, сведений военного командования свидетельствует, что до середины 1870-х гг. помещения, использовавшиеся для казарменного размещения войск на белорусских землях, были представлены главным образом плохо приспособленными для этого

зданиями упраздненных католических монастырей либо иными гражданскими сооружениями, способными вместить лишь небольшое число военнослужащих, что осложняло управление, взаимодействие и подготовку их разрозненных групп. В условиях острой нехватки казарм расположение солдат и офицеров в гражданских жилищах, отводимых по постоянной повинности, выступало в качестве основного источника обеспечения военнослужащих

¹⁴⁴НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 29. Д. 865. Л. 74 об.

¹⁴⁵История лейб-гвардии Егерского полка... С. 327.

¹⁴⁶Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба : в 17 т. Т. 9, ч. 3. Гродненская губерния. СПб. : Тип. Деп. Ген. штаба, 1848. С. 157.

¹⁴⁷РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 364. Л. 21–25 ; Там же. Д. 827. Л. 10 об.

жилими помещениями до середины 1870-х гг. Бытовые неудобства, связанные с совместным проживанием военнослужащих и домохозяев, а также стремление найти более выгодное применение для безвозмездно занимаемых постояльцами помещений формировали негативное отношение к постоянной повинности со стороны гражданского населения. В середине 1850-х – середине 1870-х гг. продовольственное обеспечение войск было тесно связано с господствовавшим в армии способом квартирного довольствия, при котором хозяева отводившихся по постоянной повинности домов были обязаны готовить пищу солдатам, компенсируя

расходы собственных продуктов (в том числе мяса и овощей) за счет так называемой казенной дачи провианта, составлявшей 900 г муки и 103 г крупы в день на одного постояльца. Общепринятых норм и требований к составу и объему приготавливаемой хозяином для солдата пищи не существовало. Всего в исследуемый период на территории белорусских губерний до перехода к казарменному размещению войск одновременно военным постом было занято от 37 тыс. (в период Крымской войны) до 85 тыс. (в период восстания 1863–1864 гг.) гражданских домохозяйств в более чем 6,5 тыс. населенных пунктов.

Библиографические ссылки

1. Арлукевич АБ. Сосредоточение войск Российской империи в Беларуси в период Крымской войны и преддверии восстания 1863–1864 гг. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2020;9:2–15.
2. Арлукевич АБ. Войска Российской империи в Беларуси в период восстания 1863–1864 гг. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2020;1:7–17.
3. Арлукевич АБ. Войска Виленского и Варшавского военных округов Российской империи в Беларуси (1864–1914). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;3:5–22.
4. Никольский ЕА. *Записки о прошлом*. Москва: Русский путь; 2007. 564 с.
5. Жиркевич АВ. *Потревоженные тени. Симбирский дневник*. Жиркевич-Подлеских НГ, редактор. Москва: Этерна-принт; 2007. 478 с.
6. Рогалев АВ. *Гомель. Страницы древней истории, формирование улиц, местные тайны и загадки*. Гомель: Барк; 2014. 248 с.
7. Захарова ЛГ, редактор. *Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860–1862*. Москва: Российский архив; 1999. 488 с.
8. Местные органы власти и управления. В: Житко АП, редактор. *История белорусской государственности. Том 2*. Минск: Беларуская навука; 2019. с. 55–105.
9. Крестовский ВВ. *Очерки кавалерийской жизни*. Москва: Воениздат; 1998. 287 с.
10. Волкова И. *Русская армия в русской истории*. Москва: Эксмо; 2005. 639 с.

References

1. Arlukevich AB. Concentration of troops of the Russian empire in Belarus during the Crimean war and the run-up to the uprising 1863–1864. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2020;9:2–15. Russian.
2. Arlukevich AB. Troops of the Russian Empire in Belarus during the uprising of 1863–1864. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2020;1:7–17. Russian.
3. Arlukevich AB. Troops of the Vilna and Warsaw military districts of the Russian Empire in Belarus (1864–1914). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;3:5–22. Russian.
4. Nikol'skij EA. *Zapiski o proshlom* [Notes on the past]. Moscow: Russkii put'; 2007. 564 p. Russian.
5. Zhirkevich AV. *Potrevozhennyye teni. Simbirskii dnevnik* [Disturbed the shadows. Simbirsk diary]. Zhirkevich-Podleskikh NG, editor. Moscow: Eterna-print; 2007. 478 p. Russian.
6. Rogalev AV. *Gomel'. Stranitsy drevnei istorii, formirovanie ulits, mestnye tainy i zagadki* [Homiel'. Pages of ancient history, the formation of streets, local secrets and riddles]. Homiel': Bark; 2014. 248 p. Russian.
7. Zakharova LG, editor. *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memories of field Marshal count Dmitry Alekseyevich Milutin. 1860–1862]. Moscow: Rossiiskii arkhiv; 1999. 488 p. Russian.
8. [Local government and administration]. In: Zhitko AP, editor. *Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. Tom 2* [The history of the Belarusian statehood. Volume 2]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2019. p. 55–105. Russian.
9. Krestovski VV. *Ocherki kavaleriiskoi zhizni* [Essays on cavalry life]. Moscow: Voensizdat; 1998. 287 p. Russian.
10. Volkova I. *Russkaya armiya v russkoi istorii* [Russian army in Russian history]. Moscow: Eksmo; 2005. 639 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.01.2021.
Received by editorial board 07.01.2021.